

Глава XXIII. «Спокойствие и порядок царят в Астурии»

Правительство, завершив военные операции в Астурии, заявило журналистам, что «в мятежном регионе царил порядок и спокойствие». Поддержание «мира и порядка» стоило гибели 1 355 рабочих, ранен был 2 951 человек; также насчитывалось множество беженцев в других странах и скрывающихся в горах; людей, замученных до смерти в застенках полицейских участков. Действительно, то были «порядок и мир» в стиле буржуазии, за которые дорого заплатил рабочий класс.

Для установления порядка необходимо было покончить с беспорядками. Правительство доверило эту миссию команданте Гражданской гвардии Довалю и судье Аларкону. В застенках на скорую руку установили инструменты пыток, а правосудие наладило свой механизм. Тюрьмы до отказа наполнились заключёнными — там насчитывалось около 30 тыс. человек.

Однако правые всё ещё не были довольны — они желали более суровых репрессий. На заседании Кортесов 6 ноября Кальво Сотело выразил такого рода недовольство и, приводя в качестве аргумента подпольную листовку, потребовал от правительства проведения более жёсткой и категоричной политики репрессий.

Рикардо Сампер понял, что Карлос Сотело предъявил запрос о его отставке. Чистая формальность. Алехандро Леррус заменил его тем же составом министров и, представ перед Парламентом, заявил, что правительство под его началом намеревалось провести в Астурии репрессию без жалости к кому-либо.

«Вплоть до уничтожения революционного семени в материнском лоне», — потребовал Карлос Сотело во имя Испании и религии.

Среди 30 тыс. узников в Испании после октябрьских событий находились и политические деятели: Мануэль Асанья, выступавший против бунтарского движения, поскольку считал его классовым, а не политическим, был арестован в Барселоне, но 2 декабря его освободили после подтверждения его неучастия в событиях. Таким же образом Луис Компанис, и советники правительства Женералитета находились под угрозой осуждения на пожизненное заключение за «преступление военного мятежа». К списку этих узников «высокого политического ранга» прибавлялись ряд членов Исполнительного комитета соцпартии, среди них — Ларго Кабальеро, арестованный 14 октября, а также представитель

Революционного провинциального комитета Астурии Рамон Гонсалес Пенья, для наказания которого требовали применения смертной казни.

Все эти узники, в частности социалисты, в силу того, что речь шла о восстании, должны были понести ответственность перед судом за их поведение и участие в революции. Члены исполнительного комитета партии и ВСТ имели наготове лёгкий ответ, так как ещё до начала восстания они договорились, что в случае ареста никто из них не будет брать на себя ответственность за события, и заявят, что восстание рабочего класса возникло спонтанно. Допрос, наилучшим образом объясняющий поведение этих предводителей-дезертиров в решающий момент, мы можем прочесть в достойном внимания труде Ларго Кабальеро «Воспоминания»:

Франсиско Ларго Кабальеро предстал перед следственным судьёй, армейским полковником:

«— Вы возглавили революционное движение?

— Нет, сеньор.

— Как же это возможно, ведь вы являетесь главой социалистической партии и секретарём Всеобщего союза трудящихся?

— Как видите, всё возможно!

— Каким образом вы участвовали в подготовке восстания? — Никаким.

— Каково ваше мнение о революции?

— Сеньор судья, я предстал перед вами для ответа за мои действия, а не мои идеи.

Прокурор: Перед законом вы обязаны отвечать на вопросы судьи!

— Это так, и поэтому я на них отвечаю, иначе я бы не делал этого. Мне показали записки, написанные на печатной машинке; их нашли при обыске в помещении Профсоюза.

— Это ваши бумаги?

— Да, сеньор.

— Кто их вам вручил?

— Почтальон. Я их получал по почте. Но если бы я знал, кто мне их послал, то не сказал бы вам.

Прокурор: Я повторяю, что вы обязаны давать правдивые ответы на вопросы.

— Я так и поступаю. Хорошо, если капитан Сантьяго, проведший обыск, хочет знать, кто мне их высылал, его намерение бесполезно. Ни за что я не произнесу чьё-либо имя, зная об ответственности за мои слова.

Эти записки на самом деле я получал из Генерального отдела безопасности, где меня оповещали о действиях, настоящих и будущих, против всех нас. Капитану Сантьяго было интересно знать имя отправителя, чтобы сурово наказать того. Он просто выходил из себя, думая об этом вопросе.

Судья продолжил допрос:

— Кто организовал революцию?

— Нет организаторов. Народ восстал, протестуя против включения в правительство врагов Республики»⁴⁴⁷.

После рассмотрения судебного дела Ларго Кабальеро тот вышел оправданным и опять занял должность Генерального секретаря ВСТ. В книге, из которой мы позаимствовали предыдущую цитату, Ларго Кабальеро посвящает несколько линий Рамону Гонсалесу Пенье, которого называет «герой Астурии». Они написаны самым известным лидером бюрократического социализма того времени, и, нам кажется, будет полезным процитировать их в качестве исторического документа или дополнения к информации о том важном событии. Ларго Кабальеро пишет:

«К моему сожалению, я вынужден привести здесь рассказ о Пенье, герое Астурии.

Пенья не взял на себя ответственности за революционное движение в Астурии; он просто не смог отрицать своего участия, потому что его взяли с поличным. Видели, как он ходил из одного места в другое, и подтвердили его присутствие в горах и других пунктах. И это не одно и то же. Если бы меня схватили *in fraganti*, то я бы был вынужден признаться в участии, несмотря на то что мы заранее договорились. Но в силу этого я был бы не героем, а просто одним из тех многих, которые рисковали своей свободой и жизнью.

Хорошо, теперь прочтите его заявления Комиссии Парламента и Военному совету. Поскольку он не мог отрицать самих фактов, то сказал, что принял участие в движении, подчиняясь требованиям дисциплины, для исполнения постановлений Комитетов рабочего альянса и организаций, которым была поручена организаторская работа; и что его действия ограничились воспрепятствованием нарушениям и спасением жизни многих людей, даже гражданских гвардейцев, которые были обязаны исполнить свой долг. Он указал имена людей, с которыми разговаривал и действовал, указал дома, где ему предоставили ночлег. После его выступления на Военном совете он предстал перед судьями. Эти показания заключались в сдаче людей и мест, которые стоили жизни некоторым товарищам по партии. Он говорил о революционерах как о кровожадных типах и представлял своё посредничество как необходимую меру во избежание нарушений. Он попытался смягчить интенсивность своей деятельности с целью предотвращения тяжёлого наказания. Разве так ведёт себя герой? Означало ли это объявить себя ответственным за революционное движение в Астурии? Никто после чтения этих показаний не мог бы подтвердить такой факт; и если другой товарищ по партии и астуриец, участвовавший в организации, искренне бы повторил во всеуслышание то, что говорил в личной беседе, в отношении участия Гонсалеса Пеньи, то мы бы увидели, во что бы превратился его героизм.

Я ни критикую, ни осуждаю поступок Пеньи для снижения срока приговора, однако решительно осуждаю и критикую те предательские заявления в отношении людей и событий»⁴⁴⁸.

Нужно отметить после приведения текста, что, сам того не желая, Ларго Кабальеро сказал истинную правду: «Нет организаторов. Рабочий народ восстал в Астурии потому, что созрел для революции. И не было никаких героев, кроме коллективной силы». Но не этот урок извлёк Ларго Кабальеро из тюремного размышления, а, напротив, всё, что не соответствовало действительности. Согласно рассказам, Ларго Кабальеро воспользовался пребыванием в тюрьме, чтобы прочесть труды основателя советского государства, и остался под сильным впечатлением от ленинской теории «диктатуры пролетариата»; он решил, что

открыл для себя марксизм-ленинизм. Другие социалисты-реформисты, как и Кабальеро, также заразились этой «корью». Аракистайн, наиболее продвинутый в этой группе, будет подвергаться критике за свои статьи на страницах теоретического журнала соцпартии «Левиафан», на тему «возвращения к марксизму».

Полезно изучать марксизм. Но поскольку речь шла о живом марксизме, для чего служило это «открытие», если не делалось ничего для его применения на практике? Тем не менее, кроме того, применение — не имитация, а, напротив, творчество. Большевистская модель не срабатывала в Испании. И испанская революция должна была найти свои собственные силы и пути. Астурия указала путь страны к революции, необходимый к свершению. Эта революция не могла подчиниться узкому сектаризму одной партии, потому что в ней принимали участие различные стороны, и в это различие также входила конфронтация систем — социалистической и анархистской. Не принять во внимание эту историческую реальность означало не продвигаться в революционном процессе, начатом рабочим классом, а повернуться к нему спиной. Именно так поступил Ларго Кабальеро. Он не понял, что пролетарская революция нуждалась в рабочем союзе НКТ и ВСТ. В тюрьме Ларго Кабальеро «созрел» для того, чтобы попасть в рамки готовящейся Коминтерном в Москве стратегии, для её экспорта в страны «буржуазной демократии», устанавливая таким образом «советский коммунизм» в мировом масштабе.

Версия #1

Зверобой создал 16 июля 2025 19:41:51

Зверобой обновил 16 июля 2025 19:47:12